
Не город — кладбище.
Дом призраками полон.
И каждый с зеркалом играет в темноте.
И зайчик прячется в божественном зрачке.
И рамы крест гуляет в чистом поле.
И бабочка трепещет на кресте.

Любимых нет, но есть любые,
Способные любимым стать.
Им в сети строчек голубые
Совсем нетрудно попадать.
Им для того не надо прыгать
С крыш или розы мне дарить,
А просто подойти поближе,
Заговорить ...

Мир становится белым,
На проявления бедным.
Всюду молочные реки
Сходятся в океаны.
Всюду беглые греки
Раков ведут караваны.

И юные боги на старте
Резвы, точно юные лани.
В процессе они каменеют,
Теряют лицо и дыханье.

Лишь зеркало зрит в корень,
Явлений не зная имени,
На фоне лёгкого порно
И анемичных лилий.

Миры пролетают мимо.
Рождённый быть просто рядом
Тебе улыбается мило,
Но не достигает взглядом.

И в скобках остались зимы,
Где двое в расколотовой лодке.
А счастье числом мнимым
Выносит время за скобки.

И снова: аз, буки, веди, —
Веди нас, Боже, по свету!
Почти безразличны, сверху
Мы маком шуршим по снегу.

И эти пути пилигримов
Искусней узоров на пробках,
А светлые лица любимых
Пылятся в картонных коробках.

Зима пахнет решимостью кочевать
Из дома в дом и везде ночевать,
И видеть сны о чём-то вещем,
А вещи вечно забывать.
Едва увидев стол, кровать,
Поленья стройные у печки,
Так хочется слова сплетать
И песни петь,
И чай хлебать беспечно,
И чувствовать себя «на ять»,
И чувствовать себя горячей свечкой,
Но не сгорать.
Рисуя слово «Вечность»,
Ещё играть.
Или плясать «от печки»,
Ещё играть.

Никто не виноват, что кризис жанра.
Накрылся медным тазом — и не жалко.
Осталось лишь рассудка помраченье
Да тёплый чай, да мятое печенье.
Остались только вялые уловки
И где-то там, в лесу, где бродят волки,
Осталась почти волчая тоска
По небесам, укрывшим эту землю,
Так что подмочен радугою край,
По бабочкам, по птицам, по животным,
Простому хлебу, просторечья ноткам,
По шалашам, в которых с милым рай.

Поездка на родину

пропах автобус щучьими хвостами
и щукою река гуляет меж кустами
узор пятнистый пятипалый
бугров и впадин
та щука мечется
меж будущим и прошлым
немым укором
с каждым годом горшим —
мне не перед кем больше быть хорошою

перебивает смог над городом
и щучий дух, и чувство молодости
бежит автобус битком набитый
везёт подарки голодный — сытому

Щека, как бабочка, шершава,
Щека, как бабочка, нежна.
Пока словами ночь шуршала,
Хрустела звёздами весна,

Летела рядом, трепетала
Чужая добрая душа.
Стремясь хотя бы два квартала
Подруг беспечных провожать.

Летела бабочка забвенья
На свой закатный огонёк,
Пытаясь удержать мгновенье,
Впечататься в весенний лёд.

Человек умирает.
Остаются детали —
Лепестки хризантемы
Или вышитый шёлк.
Но помимо вещей,
Нам останется тайна —
Кто он был и зачем
Близко так подошёл?

Расслабленность окутала, как кокон.
Спелёнатую куколкой лежу.
В слюду и паутину сенных окон
Из темноты врачующей гляжу.

И нитку закрепляя узелком,
Сшиваю мелочи и впечатлений части,
Пока зима не встала на крыло
И не смахнула бабочкино счастье.

На междуречье низкого и выси
Оцепенев подобием весов,
Я предвкушаю рождение мысли
И истечение нити, шёлка слов.

Спокойной ночи, товарищ по играм!
Отдых нужен и зайцам, и тиграм.
Мы не брутальны — прошли и растаяли.
Страсти слиняли, собачьи окраины
Брешут вполголоса, невсерьёз.
Снежные джунгли на стёклах.
Мороз.

Всю ночь лил дождь, сбивал листву
Очередями струй холодных,
Трепал осеннюю канву,
Где вышит паучок голодный.

Его не радует краса
И солнце вялое не греет.
Ведь лиственные паруса
Непрочно держатся на реях.

Пришла пора, и мухи злы,
Хрупки и жалки.
Пора пришла – прочь от земли!
Сменить корабль на дирижабли...

Бредёшь по городу один
Или с беспечною подругой,
Без компаса и без ветрил
Сбиваясь к югу.

Из сада в сад перелетаю.
Сюжет разделит запятая.
Лист или кошка промелькнёт.
Витраж в кругу иль медь дверная...
Зигзагом плющ перечеркнёт.
Приметы рая собираю,
Как липа собирает мёд,
Чтобы вести потерям счёт,
В снегах Сибири утопая.

Синий дом, останься синим.
Ты краснеть не торопись,
У трамвайных гибких линий
Наблюдая злую жизнь.

Окон взор забрось с пригорка
В облаков голубизну,
Монастырские задворки,
Голубиную возню.

Носовым платком сирени
Слёзы светлые утри.
Стоя по колени в лени,
В лопухах былых имений
И эскизности зари.

Воспари над грешным бытом,
Над трамвайной суетой
Строчкою святой молитвы,
Строек городских элитных
Ахиллесовой пятой.

Стоит стеною огород —
От бани до крылечка.
И ягодой наполнен рот —
Не вымолвить словечка.
Кузнечик партию свою
Стрекочет, не бросает.
Ему вольготней, чем в раю,
У старого сарая.
Вечерней переправы дрожь,
Река под мост укрылась...
И сизой жимолости дождь
Велик, как Божья милость.

В самолёте, идущем на взлёт,
Ты поставишь все деньги на сны.
И дыханье твоё поплывёт
В узкой лодке соседней спины.

Устремляясь к чужим городам,
Где вкус речи чужой еле слышен.
Там кисельные берега,
Черепичны волнистые крыши.

Там в бореньях за свободу
Простота одежды — данность.
Влтавы медленные воды
Перехлестывают дамбы.

Алхимических рецептов
Недостаточно для боли,
Что копилась в сердца центре,
Билась в колокол неволи.

А достаточно малины,
Вязких сумерек над речкой,
Нежных пальцев паутины,
Шёпота сверчка за печкой.

Первый дождь

Пахло прибитой пылью
И трудовым потом,
Незастланною постелью,
Свежих газет разворотом,
Ступором, стопарём,
Топотом табуна,
Рухнувшим самолётом...
Спи спокойно, страна...

В некрологи не войдут:
Косноязычный уют,
Кротость совместного сна,
Пыльных окон весна,
Терзаний ночных нон-стоп,
Табачного дыма столб,
Стойкий запах гостей,
Мелкотемье страстей...
И небритый палач:
«Яблочко съешь, не плачь...»

Синим драконом дым
Плывёт из трубы печной...
Трудно быть молодым
С опытом за спиной.
Трудно порхать мотыльком,
Задевая листву,
Трактую безмолвие рыб
И небес синеву.
Но зимняя благодать,
Созданная не на века,
Способна тебя поддержать
Объятями снеговика.

Плодово-ягодным дыханьем
Нас осень встретила с порога.
Мы — в лифт и вверх —
Поближе к Богу.
Там перебудим понемногу.

Последний жёлтый лист
Скользнул в карман
На память

Аистом Пушкин шагает
от Михайловского до Тригорского
и обратно.
Наблюдает, как чтут его память.

Полжизни плела братьям крапивные рубашки.
Братья морзились, мучились, чесались, но носили,
Превращаясь из певчих птиц
В обыкновенных прохвостов.

Первомай.
Тополя на проспекте Ленина
Натянули белые гольфы.

Невский-2018

Немного карЕла, немного ижОра.
Стритует рванина, глазеет обжора.
Идёшь по проспекту и сытый, и пьяный.
А всюду дымятся харчевни, кальянные.
И в книжных развалах нет вдоха без кофе.
ОНО и впитается в камень эпохи.

Июнь для нюнь немного свеж.
Он не для ню, творцы надежд!
Для нежных струн немного юн,
Для соловьёв и ломких лун.
Он на пороге летних дач,
Перечеркнув дверной проём,
Застыл скользящею удачей
Возможности побыть вдвоём.
Эскиз, этюд а-ля пленэр...
Предвестник зноя, духоты...
И грозовым раскатным «эр»
Бурлят июньские цветы.

Прозревая под снегом
Размышление мышье,
Забывает побегу,
Погружаясь в бесстишьё.

Убаюканный вьюгой,
Утомлённый метелью,
Путник, ищущий угол
Меж столом и постелью.

Эти люди зимы
Очень плотно одеты.
Щёки их так красны
От мороза и ветра.

И глядит снегирём
С каждой лестничной клетки
Время снов-полудрём,
Возвращения в детство.

Покойники снятся к дождю.
Текут их прозрачные лица
По стёклам. Эффект дежавю
Не ранит. Листая страницы,

Молчат или песни поют.
В припадке ночного всесилья
Всё ткут свой непрочный уют,
Струят свои серые крылья.

Снега прострочены капелью,
Но снежных кружев ришелье
Грязно, и, не застлав постели,
Зима в застиранном белье

Бежит дворами, прочь гонима,
И волоча ледышки гирь.
Пусть в тонкой веток паутине
Ещё красуется снегирь.

Но ветер северный сердит —
Все карты биты —
И гипсовые рвёт весы
Из рук задумчивой Фемиды.

Цикл «Стихи к роману»

1.

Ходила в гости к абажурам,
Вязала ветреным ажуром
Нить разговорную, скользя
Куда не стоит и нельзя.
Везла не воз, но зыбкий ворох
Забот, и тот, кто был так дорог,
Со знаньем тело ей терзал.
И всех венчал ночной вокзал.

Звенел гитарною струною,
Разлуку пел и хмарь ночную,
Возвышенный обман тая...
За перспективную туманной,
За паутиной полустанков
Ждала стальная колея.

2.

На любовь всей жизни не тянула —
Не союз и даже не предлог.
В переулочек тёмный завернула,
Чтоб в кошмарный угодить улов
Мелкой дичью — птичкой ли, зверушкой.
Мелких букв утрусской и усушкой
Балуясь и в родовых путях
Красных громыхающих трамваев
Вместе с телом душу разрывая,
Всё теряла, ничего не взяв.

3.

То ли белой, то ль серой вороной
по кисельным кружа берегам,
улавливая держать оборону
и сдавалась на милость врагам.

Чтение под дождем

Опять проповедуем птицам,
Дуем в свою дуду.
Пока дождю моросится
И шлёпается в саду.
Мы вещаем о прожитом,
Вышитом по канве.
«Думайте о хорошем», —
Голос звучит в голове.

Зрителя или слушателя
Уводит дождь вон.
Лишь жестяные крыши
Хлопают нам вдогон.

Переходя на лица,
Фотоаппарат — щёлк!
Опять проповедуем птицам.
А птицы в ответ — молчок.

Товарняк стрекочет,
Шаткий дом качает.
Станция Кувшинка
О другом мечтает.
Об испанских красках
И морском закате,
Где взлетает парусом
Хлопковое платье.
Манит вас Ла-Манга:
По косе да в море.
Там какой-нибудь Хосе
Скажет вам: amore.